

ВЕРХНЕУДИНСК. 5-го июня. (С.). В виду предполагающегося открытия мирных переговоров между японским командованием и амурской властью для

Рабочие! Коммунисты! На юге белогвардейцы готовятся нанести нам удар, на западе польские панцы продолжают оказывать нам сопротивление. Мы должны быть бдительными и готовыми по первому призыву стать с винтовкой в руках в ряды борцов за существование нашей советской республики. Рабочие! Коммунисты! Записывайтесь в добровольцы!

заставления перемещения на хабаровском и сренском фронтах, член мировой делегации Дальне-Восточной республики и представитель восточно-забайкальских войск народно-революционной армии тов. Лебедихин подает письменное заявление японской миссии. В заявлении отмечено, что вся Амурская область в настоящее время подчинена власти Дальне-Восточной республики, и стремление японского командования открыть отдельные переговоры с Амурской областью в записке рассматривается, как желание японцев расторгнуть Дальний Восток на несколько частей. Тов. Лебедихин, заявивший решительный протест против подобных действий, довел до сведения высшего японского командования, что мирные условия, которые будут достигнуты на хабаровском и сренском фронтах, будут иметь относительное значение до того момента, пока они не будут санкционированы народно-революционной властью Дальне-Восточной республики, которую весь Амур поддерживает и признает.

На Дальнем Востоке.

На дальне-восточном фронте.

ВЕРХНЕУДИНСК. 4 июня. (С.). Оперативная сессия штаба военкомандующего силами Дальне-Восточной республики за 3-е июня. Численность нарядов в Восточном районе к вечеру 2-го июня противника повела наступление на деревню Удугуйская—Бальейская и, пользуясь превосходством сил, заставила наши части отойти западнее деревни Бальейской на 2 версты, где они и заняли новую позицию.

На остальных направлениях без перемен.

Расширение военно-политических.

ВЕРХНЕУДИНСК. 5 июня. (С.). Лагерь военнопленных ликвидирован. Все бывшие военнопленные, находившиеся в лагере и вне его, как военнопленные враждебных действий против Дальне-Восточной республики, объявлены свободными гражданами Дальне-Восточной республики.

Делегация в Сибирь.

ВЕРХНЕУДИНСК. 5 июня. (С.). Паселение Верхнеудинска отнеслось к делегации сборщиков с безусловным сочувствием. В разговорах не слышно раздражения по поводу изъятия ничего из военных денежных ящиков колчаковского правительства. Спекулянты-китайцы заняли выжидательное положение. Некоторые из них с товарами покинули базар сейчас же по объявлении делегации, но потом они за другими начали извоз-по-полю выполнять рынок. Купить что-либо на базаре в настоящее время нельзя даже у китайцев, предпочитающих в последнее время эти ящики. Крестьяне подвозят много хлеба и других продуктов и охотно продают на советские деньги. Цены, правда, стоят высокие, но не исключительные, потому что курс рубля недостаточно определен и неизвестна точная расценка на товары, которые крестьянину необходимы в хозяйстве, и которые он вынужден приобретать пока исключительно у спекулянтов.

Семеновское вероломство.

ВЕРХНЕУДИНСК. 4 июня (С.). На участке чингисского фронта, с стороны от железной дороги, 2-го июня семеновцы открыли военные действия. Вой прокатывался. С обеих сторон введены в действие артиллерия, пулеметы и проч. Эти действия семеновцев сразу раскритиковали, как акт, направленный к тому, чтобы возвестить о намерении делегации Дальне-Восточной республики, от-

казавшуюся поднимать сопротивление прекращению военных действий на одном только чингисском фронте.

Японская печать о буфере.

ПЕКИН. 29 мая. (С.). Японская газета «Дзинджин», считая невозможной политическую независимость Сибири от Европейской России, пишет: «Японцам слишком невыгодно верить в буферное государство или быть в нем заинтересованными».

Газета «Чугай Шоуго» пишет.

«Форма правления предполагаемого буферного государства будет иметь жизненный интерес для Японии. Если русские нуждаются в помощи Японии, они должны работать совместно с японцами по созданию буфера при участии военных».

Граф Матсуидиро в интервью по поводу положения на Дальнем Востоке заявил:

«Япония желала бы видеть на Дальнем Востоке демократическое правительство с национальной рабочей программой. Это правительство не должно рассчитывать, на Европеюскую Россию, но должно стараться немедленно улучшить положение и выказать инициативу, дабы предотвратить реакционные выступления».

По советской Сибири.

Красноармейцы на помочи деревне.

БАРНАУЛ. 4 июня. (С.). Общее собрание красноармейцев N-ского армейского отряда состоялось ввиду отсутствия рабочих рук по обмундированию в деревнях выделить отряд добровольцев и обеспечить на него работу. Оставшиеся товарищи дали слово исполнять все обязанности за отсутствующими. Вы-

деленный отряд в числе 60 человек отбыл на работу.

По советской России.

Помощь товарищам.

МОСКВА. 8 июня. (Р.). Рабочие транспорта отсылали в пользу бастующих рабочих Франции и Англии последовательный заработок.

Английские представители на Волге.

СИМБИРСК. 5 июня. (Р.). На пароходе «Великит» прибыла английская делегация, встреченная представителями проф. союзов, губисполкома и коммунистической партии. На приветственные речи представители английских рабочих выразили уверенность в близости мирной революции.

Помощь красной армии.

БРЯНСК. 7 июня. (Р.). Состоялся первый выпуск красных сестер. Большинство окончивших курсы добровольно отправилось на западный фронт.

Неделя польского фронта.

КАЗАНЬ. 5 июня. (Р.). В Чистопле началась «неделя польского фронта».

За советским рублем.

Запрос о Красине в английской палате общин.

РЕВЕЛЬ. 5 июня. (Р.). Лойд-Джордж отвечал на запрос в палате общин относительно приезда и полномочий товарища Красина. Напомнив о решении восстановить торговлю с Россией, принятом верхним советом, Лойд-Джордж заявил, что Красин является главой делегации, представляющей русские кооперативные организации, а также и правительство. Лойд-Джордж добавил, что раньше восстано-

вление торговых сношений с советской Россией Англии необходимо ликвидировать некоторые вопросы, как, например, о военнопленных в России, и поучить гарантию, что на востоке не будет учинено никакого ущерба английским интересам.

Представитель французского и итальянского правительства находится в Лондоне и готовится к переговорам с Красиным.

Волнения в Галиции.

МОСКВА. 8 июня. (Р.). Против польских панов в Галиции происходит восстание. Объявлено военное положение.

Сопротивление сломлено.

МОСКВА. 8 июня. (Р.). Английские газеты сообщают, что Англия готовится открыть в Лондоне порт для торговообмена с Россией. Франция и Италия тоже готовятся к переговорам о торговых сношениях с советской Россией.

Запрывают лавочки.

МОСКВА. 8 июня. (Р.). Бывший министр дворянского и царского правительства Саонов распорядился закрыть русские консульства в разных городах.

Расправа о забастовочниках.

МОСКВА. 8 июня. (Р.). Во Франции уволено за забастовку свыше 600 железнодорожников.

В Восточной Силезии неспокойно.

МОСКВА. 8 июня. (Р.). В Восточной Силезии, где голосование должен решиться вопрос, отойдет ли эта страна к Чехии или Польше, беспорядки продолжают. В Добробже были вооруженные столкновения между поляками и чехами. Забастовка горнорабочих не прекращалась.

Америк в Севастополе.

МОСКВА. 8 июня. (Р.). Грабежи и разбои в Севастополе достигли таких размеров, что генерал Врангель особым

Суд над колчаковскими министрами.

Речь обвинителя *).

Распродажа «родинки».

Товарищи члены революционного трибунала. Может быть, вы помните, когда я думаю, что трудно помнить, а что они, по их словам, подлины восстание против власти рабочих в крестьян. Перед нами выступают здесь члены партии, председатели партийных комитетов и члены партии, которые служили на организационной линии по случаю отъезда, и члены партии, которые все время находились, но не платили членского взноса, и другие лица, здесь подписывавшиеся сами, своей рукой, через год после того, как советская власть свергла германское насилие и когда они начинали разговаривать поочередно с Германией, чтобы заткнуть с нею для начала деловые сношения, которые сейчас раскаиваются членом Ц. к. партии народной свободы Гессеном, который сейчас в Берлине с монархическими элементами Германии организует единый противобольшевистский центр, очевидно, переходящий с востока, куда ему помогают в последние дни передаточные подкуды Черен-Водана и тактика Ларюнова, они тогда писали на весь мир, что преступление так наз. большевиков продолжается, беззаконие все время царит и т. д. и т. д., и т. д., Россия отдава во власть немцев и измаринов, и не было у

них большого ужаса для изображения порядков советской России, как то, что в руках ее красной армии, которая имеет отряды угнетенных всего мира, имеются и китайцы. Они несколько смущались, когда их председатели, почетные граждане Сибири, уважаемые ученые, почти всеми или почти всеми измаринованными этого значения и в самом последние дни в Иркутске засуживавшим особую пеню за его заслуги, как основоположники борьбы с азиатскими большевиками, они несколько не смущались, что Вологодский узнавал от Будагова, тоже идейного дипломата при Николаеве, что он, в период советской власти на Амуре, разрешил продать русские суда в руки китайцев. Вот, если китайцы судопроизводители и спекулянты с ними вступают в альянс, это соответствует той любви к родине, о которой тут рассуждал Черен-Водан, а если угнетенные рабочие Китая вместе со своим братьями русскими рабочими и крестьянами составили одну армию—оттого достаточно для того, чтобы говорить: необходимо идти на Москву, спасти ее от китайцев, на которых исключительно опираются большевики. Эти люди продавали революционный трибунал, они все переболели перед нами, разных партийных мастей и окрасок, и подавленное большинство не поминаний партийного родства, и они хоть бы слово нам здесь сказали о том, что мы продолжаем считать правильными свое первое поведение, или, быть может, они стали считать, что власть рабочих и крестьян была настоящей силой народной революции, и они, опираясь на миллионы, а они были приравнены кучкой насильников.

Нет, никто из них этого не говорил; никто из них не говорил, что они раскаивались в том, что было,—вообще бы такими молчали на укор: они все время дело сделали, известное количество средств затратили на свержение советской власти под флагом демократического и социалистического диктатора, а теперь нам не обязательно это припоминать; — а может быть, если я подробностей повесть, то окажется, что по распределению функций на основании письма министра или на основании законоположения за № таким-то к их ведомству не относилось выяснение этого вопроса. Все прошло перед нами, все их первоначальная grande idee которую они развили в своих посланиях; все они себя жертвами считали; — меня вызвали в правительство отстранять социальное завоевание революции. Да, позвольте, зачем их надо было отстранять? Ведь советская власть они захватили полностью, а когда пришли эти, так называемые возмущатели и элементы с Гайдаками, Розовыми, Сипайловыми и Семениными, на основании каких настоящих показаний, вот, когда все эти лица пришли к нам, вы теперь хотите от них отказаться, и вообще положить все дело так обывательски мирно, будто ничего в сущности не было, не было по-настоящему здесь ужаса, была, и которую о котором собираются писать некоторые из ваших сподвижников,—всего этого не было, все это было, очевидно, ради которых это сделано, незаметно? Прошла-перешла, глазами революционного трибунала картины сошедших хищений, спешных убийств, спешных разрушений,—ради чего все это сделано? Далеко было, да, да, какой-нибудь смысл эти посланиями в мире разрушениями. Ведь, в течение полугода я при разных, как тут безобразно выражался подкудный Ларюнов, колчаковских фронтах, ведь, когда все это разрушалось, женщины и дети уничтожались тысячами, ведь, на основании предложения министра земледелия подпадали мучительной смер-

ти десятки тысяч выходящих из тюрьмы. И не смеет, не может по-думать Шуленинский заставить меня—я слушаю только один снимок падеж тех ужасов, которые были в Повоникозерске. И думаю, что он прекрасно знает, что нет ни одного города в городках, откуда бы не выходили на расстрел в всех тюрьмах.

Зверства.

И если бы подкудный Ларюнов, глядя на этот снимок, не смотрел только на мост, и разрушению которого он не имел никакого отношения, если бы он посмотрел на снимки, он бы видел снимки тех, которые были выведены при власти, а затем из Омска, из тюрем, и которых мы, правда сюда, хранили через несколько дней, когда город был растянут в версту сапкой,—это было только в Омске. Но было ни одного города, где бы это не делалось. И что же, вышло? Вышло было, и, слыша здесь от этого не оправдывается. Но вот в последнем случае, когда Сипайлов из другой суеты под ним 31 числа, —ох, только не это, в этом не виноват. Там вышло ли было дело из обещания, там были ли радости —Марков и Михайлов. «И в этом деле виноват» — а во всех тех зверствах, о которых тот свидетель, который занимал должность у Розанова, рассказывал, у Розанова, которого вы напичкали на эту должность, потому что он успел сделать себя хорошим военачальником при показаниях беспорядков в Енисейской губернии,—вот за все эти преступления вы признаете на себя ответственность? За них вы не возмущаетесь, вы там только страши Сипайлов и четверть воды в руке, хотя возможность этой четверти воды на смел создали, отпрыска монополии. За все эти зверства, отпрыски, незаметные, неопубликованные до сих пор преступления, какие проходили перед нашими глазами, вы не возмущаетесь, признаете? Это не возмущает нашего возмущения? Только в этом смысле дела Сипайлова и не по-

виноват. Путем исключения действительно не получал, что в остальном нас это не возмущает. И за те страдания преступлений, которые против всех перед глазами всех преступлений, они, лица их совершившие, лица, участвовавшие в них, лица, присоединившие к ним, лица, технически подготовившие возможность совершения этих преступлений,—что же, они несут ответственность?

Задача суда трудящихся.

Если вспомнить все то, что прошло перед нашими глазами и то, что, ведь, перед нашими глазами промчалась тысяча лет, что было, что делалось, и действительности, то незачем из горла рваться вопрос: «То познание за такие преступления?»

(Значительная часть зала: «Сотрести! Расстрелять!»)

Председатели: Тиме, товарищи, и пора.

Т. Гейсгарт.—Тиме, тиме, тиме... Умисис, гнев трудового народа! Революционный трибунал не есть орган возмездия, ибо, разве высшим возмездием, разве хватало бы у них жизни, чтобы доказать то, что было ими сделано? Революционный трибунал—не личный орган или, на, во всяком случае, не единичный, пренебрегая, о котором они говорили, что нарушение правосудия, впрочем, может быть, место в ночь на 22 декабря, если окажется, что оно соответствует действительности, то дело о нем должно быть направлено в законном порядке—и сожаление, но добавление по какому департаменту. Ведь, во всяком случае, с точки зрения обвинителя, преставителя законной всероссийской рабочей-крестьянской власти, о которой о таких поздных расклевках, вспоминая, признавая ее, Краснов,—ведь, с точки зрения обвинителя тут нет никаких министров, а есть только преступники, буржуазические востановки в личных и групповых интересах против власти огромного, подавляющего большинства рабочих и крестьян. У них,

*) Перепечатывается из «Сов. Сибирь» (№ 119—120) копеек речи тов. Гейсгарта, предоставленной нам телеграфом. Следует отметить, что речь обвинителя была посвящена не только делу процесса, но было переполнено телеграфом и сообщалось у нас, а в особом (заседание 23 мая) Гейсгарта.

